

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

МИР ДВОРЦАМ - ВОЙНА ХИЖИНАМ!

У ПАВИЛЬОНА «КОСМОС».

- Как вы этого добились?
- Начали с зажигалки и постепенно меняли конструкцию.

Рисунок А. БАЖЕНОВА

Взошла заря людского счастья,
Свободы яркая заря,
В заглавный день
Советской власти —
В день Двадцать Пятый Октября.

Враги страны, все их клеветы
В печати начали своей
Кричать, что гинет
власть Советов
В три дня! В неделю!
В десять дней!

ДРАП КАК

Мы не знаем, как можно было бы назвать эту книгу: «Бег истории» или «История бегства», «Библия драпа» или, как сказал бы Владимир Даль, «Враги задают лытка». Но мы уверены, что детальное исследование о бегстве врагов Советской власти в разные периоды бурной истории нашего государства было бы увлекательней любого романа.

Первую главу можно начать с последних дней царствования Николая II. Как известно, 2 марта Романов отрекся от престола, что, впрочем, не помешало ему 7-го того же месяца начертать в дневнике:

«Обедал с мамá и поиграл с ней в безик».

Прелестно, не правда ли? Человек только что профукал империю, пережил ужасный, так сказать, династический катаклизм — и что же он делает, как реагирует? Садится с мамашей перекинуться в картишки. Безик — это нечто вроде царского «дурачка».

Странная монаршая невозмутимость, вероятно, объясняется не только тем, что Николай звезд с неба не хватал и не числился в мыслителях. Где-то в глубине своей императорской души он лелеял надежду махнуть через тын. И не без оснований.

Английский посол Бьюкенен официально сообщил министрам Временного правительства, что король и правительство его величества счастливы предложить убежище бывшим государю и государыне и надеются, что их бывшие величества воспользуются им до окончания войны.

Бывшее величество засучило рукава и начало готовиться к драпу. Оно записало в дневнике:

«Разбирался в своих вещах и книгах и начал откладывать все, что хочу взять с собой в Англию».

Уезжать пришлось, но в другое место. Царственный драп не удался.

Вторую главу книги можно было бы открыть весьма поспешным бегством Керенского. Верховному главнокомандующему удалось улизнуть от преданных ему россиян. Однако у автомобиля, в котором он бежал, не хватило бензина. Пришлось заехать в английский госпиталь и кланяться горячее. Представляете, что это был за веселенький разговорчик:

- Дайте ради бога одну канистру для верховного.
- Какого там еще верховного?
- Да вон в уголок забился!

Из третьей главы можно было бы узнать, что не всем верховным главнокомандующим так подфартило. Вспомним адмирала Колчака, прославленного виселицами и песенкой:

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский,
Мундир сносился,
Погон свалился,
Табак скурвился,
Правитель смылся.

Все правильно в песенке, за исключением одного. Смыться правителю не удалось. Правитель не рассчитал начальную скорость драпа, и это дорого обошлось главнокомандующему. Он получил причитающуюся ему пулю.

В четвертой главе — ее хочется посвятить Деникину — можно воспроизвести несколько колоритнейших ростовских эпизодов. 1920 год... Ночь с 8-го на 9 января. Город захлестнут весельем. Господа офицеры празднуют рождество и заодно радостное сообщение, что красные отброшены на сто километров. В «Палас-отеле» деникинские генералы поднимают тонконогие бокалы: — За святую Русь, господа!

С тех пор минуло полстолетья...
Не дрогнул сердцем наш народ!
Пророков злых нет на свете,
А власть Советская живет!

Мы раздавили эту силу.
Белогвардейский лютый сброд
Давным-давно гниет в могилах,
А власть Советская живет!

Немало нами пережито,
Но правда жизни такова,
Что все мечты врагов разбиты,
А власть Советская жива!

Чтоб властелинами остаться,
На нашу власть пошли войной
Все мироеды, тунеядцы,
Вся свора нечисти земной.

Вели мы битвы мировые,
Круг интервентов разорвав.
На четвереньках из России
Ползли четырнадцать держав.

И вот, читая строки эти,
Должны запомнить навсегда
Все те, какие есть на свете,
Враги Республики труда.

И нас, пылая злобой дикой,
Стереть пытался лютый враг,—
Юденич, Керенский, Деникин,
Корнилов, Врангель и Колчак.

Мы у Хасана вражью стаю
В два счета взяли на штыки.
Мы разгромили мир спасая,
Фашистов черные полки.

Не победить того народа,
Что стал свободным, власть беря
В огне семнадцатого года,
В день Двадцать Пятый Октября!

ТАКОВОЙ

— За единую, неделимую!

Звон бокалов заглушается цокотом Шестой кавалерийской красной дивизии, ворвавшейся в Ростов.

Буденновские конники уже в дверях особняков. Галантные кавалеры, забыв о дамах, вышибают лбами оконные стекла и ныряют в темноту. Генералы забиваются в лифт «Палас-отеля». Дрожащие пальцы нажимают кнопку... Вверх-вниз... вверх-вниз... Ради бога, не останавливайтесь, господа... Может, не заметят... Вверх-вниз...

Пятая глава — врангелевская эпопея. Когда барон увидел, что его дела в Крыму запахи ладаном, он немедленно переехал на пароход и объявил, что будет крейсировать по портам «для проверки эвакуации». На пароходе он почувствовал себя «в полной сохранности», писал впоследствии его бывший соратник генерал Слащов.

Все броски белогвардейцев и иностранных интервентов с суши на пароходы происходили в сверхнервной обстановке. И все же некоторым удавалось унести не только головы, но и уворованное имущество. А воровству интервентов учить не надо было. Полковник Делон, военный губернатор Архангельска, потребовал у белогвардейцев для отправки личного багажа — что бы вы думали? — целый пароход!

Итак, при внимательном изучении можно установить три фазы драпа. Первая: подготовка к бегству, мобилизация транспортных средств, упаковка и погрузка награбленного имущества. Вторая: бегство. Части дают тягу, сохраняя при этом видимость воинского организма. Этот период характеризуется острой душевной борьбой личного состава, который не может решить, бросать ли в первую очередь боевую технику или уворованное барахло. Третья: бегущие теряют все — и технику, и барахло, и головы, чаще всего в прямом смысле слова.

На Украине в 1918 году немецкие оккупанты прошли через все три фазы.

Сначала подготовка к бегству проходила нормально. Немцы очищали склады. Наиболее дальновидные обменивали оружие по неписаной таксе: пуд сала за пулемет «Максим» или за несколько винтовок с патронами. С каждым днем нервное напряжение оккупантов росло, и они уже начали хватать все без разбора. В Мариуполе они выгребли из пакгаузов тюки и погрузили их в вагоны, не подозревая, что в тюках спрессованы антирелигиозные брошюры. Затем началась вторая фаза, когда, по свидетельству одного офицера, около трехсот тысяч солдат «устремилась на родину через страну, охваченную восстанием».

Бежать через страну, охваченную восстанием, не самое веселое занятие, которое выпадает на долю завоевателей. О том, как чувствовали себя оккупанты в третьей фазе, можно легко узнать из письма офицера Вильгельма Пюшмана:

«Дорогая Магда!

Мы бежим день и ночь. Я все бросил, а было столько хороших подарков для тебя, отца и бабушки Эльзы. При мне остался лишь котелок, но в него, увы, попадает так мало пищи. Нашему полковнику угодили в зад сразу две пули. Он лежит на телеге и плачет. У меня тоже текут слезы, когда я пишу это письмо... Я так соскучился по тебе, по теплу твоего тела, по безопасной постели... Молись, Магда, чтобы я добегал в целостности...»

Пюшман не добегал, как, впрочем, не добегали спустя четверть века многие его соотечественники. Мы имеем в виду фашистов. Последняя глава нашей книги, несомненно, принадлежит гитлеровцам, которые по-

следних этапах Великой Отечественной войны довели до совершенства все виды драпа.

Вот примерная классификация:

ДРАП МАЛЫЙ. Бегут одиночки и небольшие подразделения.

ДРАП ОБЫКНОВЕННЫЙ. Фашисты отступают, цепляясь за каждое оборонительное сооружение. Успевают при этом расправиться с мирными жителями.

БЛИЦДРАП. Отличается максимальной скоростью. Драпающие убийцы не успевают даже поджигать дома.

ДРАП ПОВАЛЬНЫЙ. В бегство ударяются полки, дивизии, корпуса и даже армии.

За этой общей классификацией скрываются впечатляющие эпизоды. Генерал-лейтенант И. С. Стрельбицкий, участвовавший в изгнании фашистов из Севастополя, вспоминает такой эпизод.

Вместе с генералом Захаровым повстречал он наших солдат, спешивших куда-то со свежеструганными гробами. Генерал Захаров спросил у старшины:

«— Что за спешка с гробами?»

Старшина, увидев генерала, поставил гроб на землю, снял пилотку, вытер ладонью широкую лысину и степенно доложил:

— Нет ни одной лодки, а переправляться надо, товарищ генерал... Немцы много гробов заготовили. Вот мы и пустим их в дело.

— Да как же вы на них переправляться будете? — снова удивился Захаров. — Они даже не зашпаклеваны!

— Ничего, будем складывать один на один. Ежели держаться за них — можно плыть.

— Ну, действуй, старина, — улыбнулся Захаров, видимо, довольный находчивостью старшины.

Прошла минута, две, и вот на волнах закачались гробы с облепившими их солдатами...»

Гробы догнали своих мертвецов! Зажатые в огненное кольцо остатки фашистского гарнизона уже не могли вырваться из Севастополя.

Окружение! Драп в котле! Ох, как не нравился гитлеровцам этот вид драпа, когда мечешься во все стороны и везде тебя встречают снаряд или штык, танк или бомба! А в котлах недостатка не было. Сталинградский, куда угодили двадцать две дивизии, Корсунь-Шевченковский — десять дивизий и одна бригада, Минский — свыше ста тысяч фашистов, и другие котлы. Чистокровные арийцы, потомки нибелунгов, увешанные крестами завоеватели, мечтали вылезти из такого котла хотя бы на коленах. Но финал был один. Взять хотя бы конец 6-й немецкой армии. Его выразительно описал генерал-лейтенант А. К. Блажей, один из участников ясско-кишиневской операции:

«...Вдали на пригорке мы увидели необычное шествие... Во главе шествия, по самой середине дороги, важно шагали два громадных быка серой украинской породы. Один нес на круглых рогах немецкое полковое знамя со свастикой, другой — наскоро написанный плакат: «Это все, что осталось от 6-й немецкой армии». На толстых бычьих шеях висели в несколько рядов ожерелья из гитлеровских железных крестов — от солдатских до генеральских. За быками поспешал, мелко семеня, круторогий породистый баран, также увешанный нацистскими орденами. За ним плотной группкой трусили овцы, на их шеях и хвостах повязывали, как колокольчики, фашистские медали».

Оказалось, что это трофеи пограничного отряда. Организовал процессию отрядный шутник старший лейтенант Доронин.

На круторогом баране, увешанном боевыми фашистскими орденами, нам бы хотелось закончить это сугубо фрагментарное обозрение. Остается лишь пожалеть, что того барана не довелось увидеть сегодняшним реваншистам.

ЛИСТОВКИ-БЕРЕСТОВКИ

На бересте писали в Древней Руси: не было бумаги.

Потом появилась бумага, а уж совсем потом — каких-нибудь пятьдесят без малого лет назад — адмирал Колчак.

У белых бумага была. У сибирских большевиков-подпольщиков бумага не было.

В селе Александровке, Бийского уезда, подпольщики оборудовали нехитрую самодельную типографию. Но сразу же и выяснилось, что печатать листовки не на чем.

И тут выручила береста. Понятно, что авторам этих листовок не могли помочь по части стихосложения ни Блок, ни Багрицкий. Поэтому выходило угловато:

Колчака мы бьем.

Бьем Деникина.

Если нет ружья, —

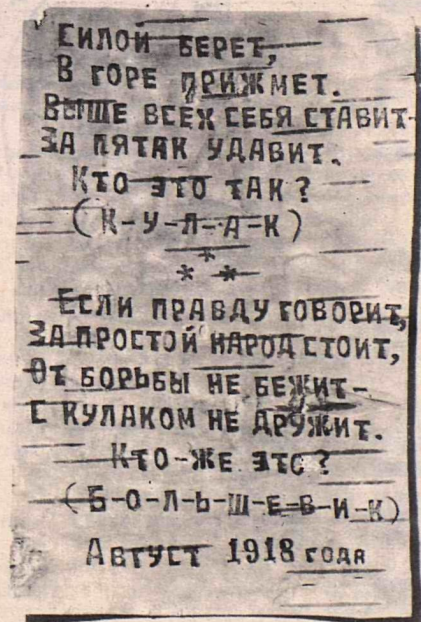
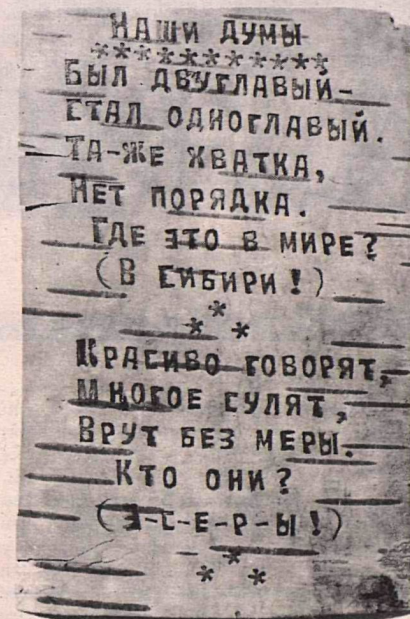
Колем пикою!

И так далее. Впрочем, что было дальше, известно: «правителя омского» вымели с сибирской земли.

Что же касается листовок-берестовок, то некоторые из них сохранились у Ивана Никаноровича Кудрявцева, старого коммуниста. Сейчас он живет в Бийске.

Товарищ Кудрявцев прислал эти листовки для юбилейного номера «Крокодила». И в письме своем сделал приписку:

«Моя просьба — по использовании передайте эти листовки в Музей Революции, чтобы молодое поколение видело, как приходилось бороться их отцам и дедом за Советскую власть». Просьбу Ивана Никаноровича мы выполнили.

— Причаливай, земляк! Вдвоем веселее!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Р. КИРЕЕВ

СТИХИ О ВЕСНЕ

Весна всегда была
весной —
Была в апреле, марте, мае.
Пришла весна —
и всюду тает,
И шапки зимние — долой!

Лафа, конечно, детворе.
Играет солнце.
Звон капели.
Весна всегда была
в апреле
И не бывала в октябре.

И вдруг
сквозь дождик обложной
Ошеломляюще и пряно
Средь листопада и тумана
Дохнуло явственно весной.

Так поправан был
привычный стиль,
Посрамлена была природа.
Весну планеты возвестил
ОКТАБРЬ
Семнадцатого года.

Повсюду признаки весны:
Дрожат устои вековые
И бродят силы молодые,
Надеждою окрылены.

Все дышат воздухом ее,
Все м ясно,
что за время года,
И лишь упрямая природа
Неколебимо гнет свое:

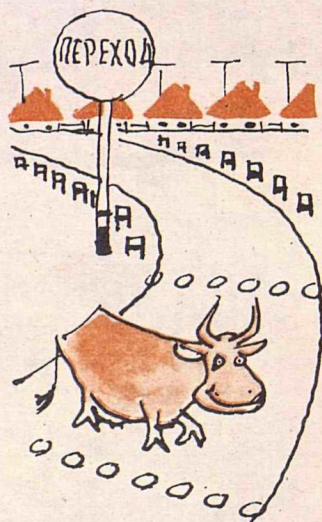
Опустошается скворечник,
Деревья утром в серебре,
И даже
тоненький подснежник
Не расцветает в октябре.

Но мы
формальности отбросим.
Нам глубже истина видна:
По форме,
может быть и осень,
По содержанию — весна.

Я верю:
в календарь погоды
Внесет свой поправку
жизнь,
И, образумившись,
природа
Оставит
скучный формализм.

Весны дыханье
станет зримым,
Скворцы вернутся на заре,
И будут люди в октябре
Дарить подснежники
любимым.

ОДИН ИЗ ТЫСЯЧИ

Минувшее лето в Курской области благоприятствовало поклонникам футбола. Оно было сухим.

— Не беда,— заметил по этому поводу председатель колхоза «Страна Советов», Обоянского района, Николай Ильич Журкин.— Конечно, урожай свеклы получился поменьше, зато сахаристость в ней отменная.

Слова эти поразили меня. Ведь еще совсем недавно колхозные председатели цеплялись за каждую небесную неурядицу. «Вследствие неблагоприятных погодных условий...» — писали они в отчетах и перечисляли постигшие хозяйства неудачи.

Если председатель не жалуется на засушливое лето, так, может, он ярый любитель футбольных баталий?

— На футбол у меня времени не остается,— отверг предположение Николай Ильич.— А перемены, конечно, произошли, и немалые!

44 Светличных

В селах приезжих не балуют разнообразием фамилий. В Афанасьеве, где расположена центральная усадьба колхоза «Страна Советов», доминируют многочисленные Афанасьевы. Могучий клан Горяиновых прочно обосновался в селе Горяиново. А разветвленное генеалогическое древо Кичигиных пустило корни по Афанасьеву, Горяинову и Солотину.

Поэтому я не удивился, когда на свекловичной плантации мне представили сразу одиннадцать Светличных. Но одиннадцать других Светличных, трудившихся на полях 2-го производ-

ственного участка, уже вызвали легкий шок. А когда меня познакомили в третьей бригаде с еще одной представительной группой Светличных, я на всякий случай переспросил тихонько белоzubого механизатора:

— Скажите честно, вы действительно Светличны?

— Самый настоящий! — гордо ответил механизатор.

Я робко поинтересовался, сколько же здесь всего Светличных и кто глава этого могучего рода.

— Сорок четыре! — ответил тоже не без гордости Николай Ильич Журкин.— Двенадцать мужчин и тридцать две женщины. А глава рода — знаменитый кубанский механизатор Владимир Светличны. По его примеру мы создали четыре звена. Каждое обрабатывает по семьдесят гектаров посевов и дает такой доход, какой лет пятнадцать назад получал весь колхоз. Вот что такое механизация!

Впрочем, в механизации тоже следует блюсти меру. В этом я убедился, побывав на полях первой бригады.

Вокруг высокого картофельного холма плотным кольцом сидели колхозницы. Перед каждой из них — три ведра. В одно падали картофелины крупные, отборные, гладкие, как теннисные мячи. В другое — клубни поменьше и с порезами. А в третье ссыпали мелочь — на корм скоту.

И тут мне поневоле вспомнилась тракторная лопата. Ею на железнодорожных станциях и в колхозах, напраполю рвущихся к ликвидации

ручного труда, сгребают клубни. Производительность у трактора, конечно, изрядная. Но зато картошка, не выдерживая столь бесцеремонного обращения, лопаются, исходя крахмальными соками.

Случайно я наступил на какой-то клубень. Бригадир — вежливый человек — не произнес ни звука. Уходя, я обернулся: бригадир поднял картофелину и, обтерев рукавом, положил ее в ведро.

Не эта ли бережливость превозмогла жгучие курские солнцепеки?

Город в деревне

На фермах колхоза «Страна Советов» буренки ежевечерне лакомятся концентратами. Не путайте, пожалуйста, с канцпринадлежностями! Концентрированные корма, болтушка из крупномолотой муки — верх коровьей мечты в стойловый период. А для доярки это и высокие надои, и приличный заработок, и умиротворенная тишина в коровнике, нарушаемая только жужжанием вакуум-насоса да старательным пыхтением доильных аппаратов. Прибавьте сюда автопоилки, транспортеры и вы поймете, почему доярки... недовольны.

Или, точнее, не совсем довольны. Потому что на фермах пока нет механизированной раздачи кормов, той самой точки над *i*, которая позволит свести к нулю ручной труд и перейти к двухсменной работе доярки.

Двухсменная работа кажется явлением столь же городским, как авто-

бусная толкучка в часы «пик» и «Нет ли лишнего билетика?» у театра «Современник». Но скажите тогда, что же такое ежемесячная, регулярно выдаваемая колхозникам зарплата? Что такое пенсии, детсады?

Село становится городом, не утрачивая чисто сельских прелестей.

Семь любимых эксплуататоров

Двенадцать колхозниц работают в свекловичном звене Александры Прохоровны Алисовой. Ладно работают, от души. А если спросить звеньевую, куда идет прибыль звена, она с улыбкой ответит:

— На эксплуататоров наших, чтобы они были здоровы!

Эксплуаторами в шутку называют семь колхозных стипендиатов. Один учится в Воронеже на ветврача, второй — в Курске на зоотехника, третий там же, в сельхозинституте, — на экономиста. Два будущих ветфельдшера постигают науки в Судже, в Рыльском сельхозтехникуме впитывают знания будущие механик и агроном.

Сумма их стипендий аккурат равна прибыли звена Алисовой.

Конечно, стипендии платит не звено, а колхозный бухгалтер. Но так, со звена, нагляднее.

А ведь и без того в «Стране Советов» семь агрономов, три зоотехника, главный инженер. Не многовато ли будет специалистов?

Нет, не многовато. Уже сейчас только на энергию для электромоторов колхоз тратит более тысячи руб-

лей в год. Подсчитано, что в ближайшие годы резко возрастет потребность в квалифицированном труде.

«Куплю дорогу!»

В анналах колхозной истории сохранился такой факт. Тридцать семь лет назад в Москву был командирован Иван Михайлович Кичигин. С большим трудом он раздобыл два кило гвоздей, за что был премирован пятью пудами просяной соломы.

Сейчас гвозди не проблема. В колхозе, где строятся одновременно клуб, школа, ферма и четырнадцать жилых домов, главная трудность — современные стройматериалы. В 1970 год колхоз хочет вступить тремя капитально отстроенными селами.

Впрочем, одну старую хатку вряд ли удастся ликвидировать. Живет там старушка Фоминишна, стойкая сторонница соломенной крыши. Из-за нее-то и возник у Николая Ильича конфликт с двумя западногерманскими визитерами.

Об этом эпизоде мне рассказал учетчик тракторной бригады.

— Что западногерманские туристы приедут, мы знали загодя, — начал он мягкой курской скороговоркой. — Хоть и имелось подозрение относительно ихнего бессовестного реваншизма, но встретить их мы хотели по-человечески, по-нашему. Петухов троих зарезали, бригадир Иван Васильевич «Столичную» купил, а коров, хоть и чисты были, обратно почистили, для фотографии.

Однако туристы из капиталистической Германии на коров-симмента-

лок — ноль внимания. Зато нашли они в Афанасьевке эту самую хатку под соломой и ну ее щелкать. Буквально, извините за выражение, на пузо перед нею ложились. Товарищ Журкин Николай Ильич в реваншизме этом нисколько им не препятствовал, а только поддел их интеллигентно, что, дескать, данное отсталое строение существует из-за того, что не сумели его поразить асы германской авиации. Село-то наше расположено на линии знаменитой Курской дуги!

Только западногерманские туристы на это замечание товарища Журкина Николая Ильича обиделись и, петухов не поевши, отбыли.

Этот же учетчик рассказал о главной мечте Николая Ильича Журкина. Хочет он купить дорогу. Но не грунтовую, даже не грейдер, а асфальтовую. Десять километров такой дороги нужно колхозу: от центра к бригадам, от бригад к фермам. Но кто возьмется? Кому ни предлагали деньги, все с порога отказываются.

Итак, от нехватки гвоздей до нужды в асфальтовых дорогах... Впрочем, не будем умиляться. Дороги нужны сегодня не меньше, чем тридцать семь лет назад — два кило гвоздей.

Цыплят по осени считают

По понятной журналистской привычке я поинтересовался, каких наград удостоен председатель колхоза «Страна Советов» Николай Ильич Журкин.

— Медали «За трудовую доблесть».

Колхоз, вероятно, бывал участником Выставки достижений народного хозяйства в Москве?

— Ни разу.

Мне показалось, что такое хозяйство, как «Страна Советов», заслуживает большего. Я на это и намекнул в Курском обкоме партии.

— Правильно, заслуживает, — ответили мне. — И скоро, наверное, будет достойно отмечен. Но пока говорить об этом рановато: цыплят по осени считают.

Все же мне удалось узнать, что область высоко оценивает успехи колхоза.

— Но самое удивительное, — услышал я, — что мы в обкоме сами не ожидали такого от «Страны Советов». Есть у нас заслуженные колхозы, где председатели — Герои, где клубы — дворцы, а коровники — как чехи автогиганта. А подсчитали все показатели по специальной шкале, и не приметное до сих пор хозяйство оказалось впереди. В первой тысяче страны.

Да, всего тысяча лучших трудовых коллективов — городских и сельских — получили высокую награду юбилейного года: памятные знамена. И очень приятно было прочитать в газетах, что среди них есть и скромный, трудолюбивый, удивительно не «показушный» колхоз с гордым именем «Страна Советов».

В. НАДЕИН,
специальный корреспондент
Крокодила

Курская область.

МОСКВА НЕ СРАЗУ СТРОИЛАСЬ

Ядро царь-пушечного диаметра величественно проплыло сквозь облако кирпичной пыли и нехотя ткнулось в стену. Стена вздрогнула, рухнула на колени и легла к гусеницам экскаватора укрошенной грудой щебня.

Ломали так называемый «ветхий фонд». Не знаю, как вы, а я люблю смотреть, когда ломают. Есть в этом что-то притягательное и даже гипнотизирующее. Может быть, дело в том, что ломка, как таковая, — процесс спорный и, говоря по-спортивно, результативный? Был дом, р-раз — и нету!

А может быть, в запахе битого кирпича и крошеной извести нам чудится аромат грядущихстроек, упительный запах нового жилья и новоселья?

Так или иначе, начав ломать, остановиться трудно и сгоряча можно сломать что-нибудь толковое, например, Сухаревскую башню или Триумфальные ворота. Однако это уже другая тема. А я вот о чем: ломали действительно ветхий дом, и вокруг стояла торжественно-молчаливая толпа, провожая величественный полет сверкающего ядра синхронным поворотом лиц. Обычная в таких случаях толпа, состоящая из вольных пенсионеров, нерадивых учеников средних школ и еще какой-то неопределенной категории людей, наверно, любителей разрушения, взявших день за свой счет, чтобы увидеть, какого цвета обои откроются за привычной штукатурной стеной.

Ломали барак, тот самый, о котором 40 лет назад писал, быть может, начинающий рабкор, а ныне маститый делегат съезда писателей: «Рабочие нашего завода переезжают в новые благоустроенные дома. Двухэтажные красавцы оборудованы по последнему слову техники. Строители позаботились, чтобы в доме была канализация и душ».

Времена меняются, меняются и дома. С высоты сегодняшних этажей вчерашний красавец почти не виден. Да и где ему, призваннику двадцатых годов, тягаться с современными гигантами! Дом образца 1967 года — это 12, 17, 25 этажей полного заводского изготовления. От фундамента до ключа.

Впрочем, изменились не только дома. Изменилась сама Москва. Например, давно известно, что самой высокой точкой Москвы являются Ленинские горы. Недавно стало известно, что наивысшая точка Москвы — кончик антенны Останкинской телебашни. Территория, которая откроется глазам первого посетителя заоблачного ресторана, будет равна Московскому княжеству до Ивана Калиты. Так как ресторанный зал будет вращаться, указанный посетитель сможет за час-полтора хорошо обозреть все бывшее княжество. Пользуемся случаем сообщить: Главмосресторан

обещает, что и обслуживание будет на высоте.

Первый посетитель телересторана увидит привычный панельно-крановый пейзаж Москвы. Напрасно он будет искать людей. Их не видно. И скоро ему начнет казаться, что город строят и в городе живут только краны. Вот экскаватор выгрыз котлован, по-

при» за московское строительство.

Вернемся, однако, к нашим баракам. Вернее, ко времени, когда их строили. 1930 год. Фотография, помещенная в августовском номере «Огонька», называлась: «Едут строить Москву».

Это Главмосстрой образца 1930 года. Сермяга. Лапти.

топтался и ушел. Автокран отложил туда фундаментные блоки. Два других крана-цапли принялись высиживать дом, подкармливая его панелями из длинных решетчатых клювов. Вскоре детеныш разбухает, разрастается вширь и ввысь, а работяга-кран, все вытягиваясь вверх, продолжает без усталости носить ему детали-личинки.

Уложена последняя деталь, кран скромно саморазбирается, а дом, расправив панели и балконы, начинает самостоятельную жизнь. Пахнущий краской, умытый, как бы светящийся изнутри, ждет он первого свидания со своими будущими жильцами.

1967 год войдет в летопись проспектом Калинин, домами повышенной этажности и получением парижского «Гран-

Малахаи. Самодельный жестяной чайник. Это же прямой намек на отсутствие рабочей столовой! Сезонники несут продольную пилу. Это говорит о слабой работе снабжающих организаций: приходилось гнать тес из бревен вручную. Да и с точки зрения технической эстетики инструмент далек от совершенства.

С механизацией дело обстояло тоже не лучшим образом. Так называемая «коза», закрепленная на спине строителя, хотя и являлась универсальным приспособлением, но грузоподъемность самого строителя ограничивалась максимум шестью пудами. Сегодняшний автокран поднимает груз в сотни пудов.

А как решались вопросы транспорта? Вот передо мной

фотография товарного двора Нижегородского речного пароходства. 1926 год. Грузы везут на повозках. Я прикинул, что суммарное количество лошадиных сил составляет лишь треть мощности одного «МАЗа».

Что же осталось от этого трудного прошлого?

Остались Магнитогорск и

Он огляделся, поплевал в ладони и при полном отсутствии техдокументации завалил первый дуб в основание первой московской стены.

Шли годы. Москва росла и возвышалась. Менялись строительные материалы, типовые проекты и меры длины. Неизменной оставалась лишь принципиальная задача: обеспечение своевременного ввода жилья и объектов культурно-бытовых для жителей столицы.

В далекие времена, когда зодчие задерживали техдокументацию, а строители недодавали темпы, они, чтобы оправдать свой порочный стиль работы, придумали поговорку: «Москва не сразу строилась».

Дело сдвинулось только в 1940 году, когда впервые был применен поточно-скоростной метод строительства.

А все-таки сразу или не сразу строилась Москва? Что такое для истории 50 лет?

Сегодня Москва возводится руками трехсоттысячной армии строителей.

Двадцать заводов железобетонных изделий шлют стройкам «детальки» сегодняшнего строительства: панели, колонны, балки.

Двадцать деревообделочных комбинатов пускают фонтаны стружки и реки «столярки»: окон, дверей, встроенных шкафов и т. д.

Исполком не успевает давать названия улицам и переименовывать их. Последнее время для простоты принята комбинированная система обозначения, при которой улицам из-за недостатка названий присваиваются порядковые номера, например: 4-я Профсоюзная ул., 5-я ул. Октябрьского поля, 37-я ул. Левитана и т. д. Впрочем, другие улицы, с дорогими историческими и традиционными названиями, переименовываются иногда даже по два раза.

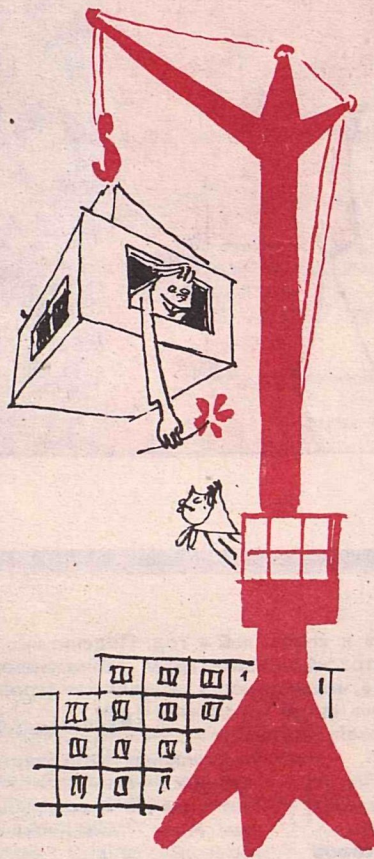
Строится Москва. Строится всерьез. Строится так, что я едва удерживаюсь от применения безотказного журнально-силового приема, начинающегося словами: «Если сложить все этажи, возведенные только в одной Москве и только одним управлением, где начальником тов. Имярек, то...»

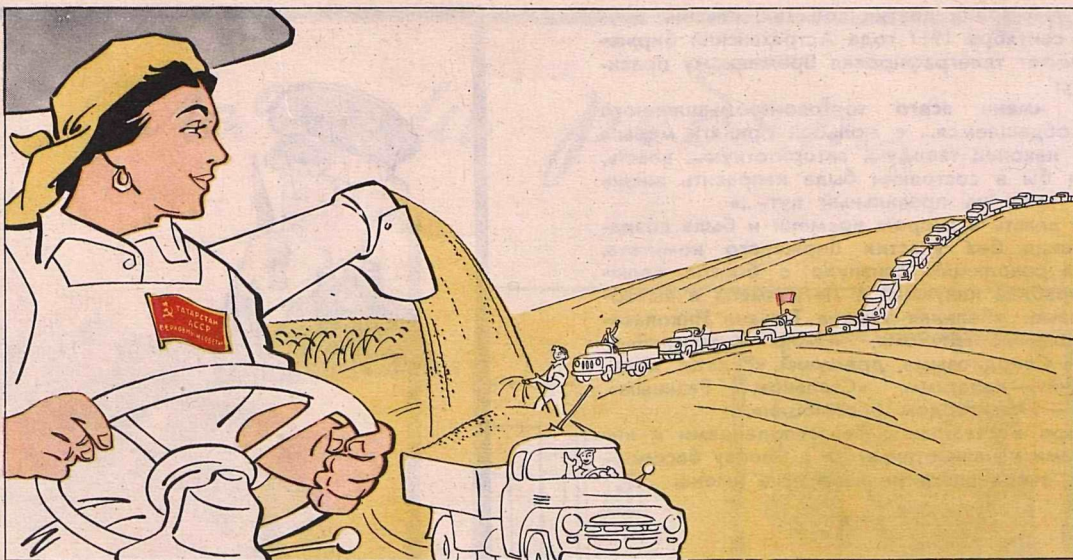
Не применяю только потому, что не знаю, что с ними, с этими этажами, делать дальше: то ли тянуть их до Луны, то ли обматывать вокруг земного шара.

Хочется повторить: три с половиной миллиона квадратных метров жилья получают москвичи ежегодно. А ведь Москва — это, так сказать, пульс страны.

Давайте же посмотрим на нашу столицу глазами хозяев и строителей, погладим руками шершавые стены ее домов, вдыхнем аромат ее лип. И не пожалеем о том, что так стремительно летает ядро автокрана, разрушая ветхий жилой фонд.

Анатолий ШАЙХЕТ, инженер-строитель
Москва.

На прием к члену правительства.

Рисунок И. ХАНТЕМИРОВА («Чаян», Казань)

ВЫДЬ на ВОЛГУ!

Не будем оспаривать утверждение чеховского Беликова: лошади действительно кушают овес. Сложнее обстоит дело с Волгой, которая впадает в Каспийское море. Впрочем, если мы решимся называть Волгой около восьмисот рукавов, протоков и ериков, распустивших русло реки двухсоткилометровым веером-дельтой, тогда согласимся: ладно, пусть впадает.

По одному из этих рукавов торопился, урча и пофыркивая, наш буксир «Бойкий» — движимая собственностью Лиманского райисполкома.

Сухой и жаркий степной ветер расчесывал и все никак не мог расчесать лохматые камышовые джунгли по берегам. На отмелях-тонях рыбаки в оранжевых робах выбирали невода. Помогали им бронзовые «дикари»-отпускники в нейлоновых плавках: они предпочли праздной курортной неге суровые радости рыбацкой страды. Шла путина, и, казалось, бульонно-желтая вода пахла рыбной свежестью.

Видение выросло внезапно справа по борту. Снежно-белая громада танкера «Волгонефть» бесшумно и уверенно, как утюг по зеленому плюшу, скользила по пойменной равнине. Танкер грузно шел по главному рукаву, распугивая мелкие суда и накатывая на серые плесы шипящую прибойную волну. И мы наконец выкарабкались из нашей глухой и задумчивой протоки на главный рукав и едва не поравнялись с танкером, но он, насмешливо и небрежно отбросив нас волной, сразу оставил «Бойкого» далеко за кормой.

Он пойдет дальше, скрываясь из глаз, — вдоль опаленных солнцем арбузных плантаций, мимо связок рыбоприемных судов, в которых сонно плещутся метровые осетры, мимо дымных астраханских заводов, причалов, верфей и дальше и выше по Волге — к зябкому осеннему багрянцу севера.

А мы — вниз по исторической реке, примечая хоть некоторые из фактов, достойных внимания.

* * *

Первый пароход на Волге так и назван был «Волга». Пыхтя и отдуваясь, он семенил мимо исконных белян и дощаников, барок и каюков, повергая православных пастырей в смятение и остолбенение.

— Дьявольская посуда с печкой, — шамкали пастыри, осеняя себя крестным знаменем. — Какою силой вращаются сии богомерзкие колеса? Козлоногие черти крутят их, истинно так.

Астраханского купца Евреинова, построившего пароход, не терзала гордыня. «Волга» — и скромно и достойно. А вон Вырыханов, Агабабов, Беззубиков, Лбов с сыновьями — те на великой реке, как в собственной горнице, по-семейному. Кораблям давали имена чад и домочадцев, родичей ближних и дальних или даже покладистых горничных, сладко угождавших судовладельцам... И плавали по Волге запанибратски:

«Танюша», «Клавдинька», «Люлю», «Витюшка», «Имянинник», «Шурин», «Тесть», «Марусенька», «Внук Алексей» и даже «Бобик» — любимый пес купца Вырыханова.

Но и свое истовое «за веру, царя и отечество» надо было непременно выказать. И плавали чванливо:

«Александр I», «Государь», «Великий князь Юрий», «Императрица Александра», «Самодержец»... А также, разумеется, «Благонамеренный» и «Покорный слуга».

И все же фантазии, с избытком хватавшей купцам на кутежи и самодурства, здесь явно не доставало. По статистическому сборнику Министерства путей сообщения за 1910 год, на Волге числилось 10 «Малюток», столько же «Наследников», 6 «Верочек», две «Мартышки»... Небогато, в общем.

Русский капитализм возвещал о себе с сильным иностранным акцентом. Компания «Зевеке» владела кораблями «Колорадо», «Алабама»,

Вл. МАСС

Поймите, простите!

Сегодня сатирик настроен на оду, Метла его пусть поскучает в углу. Он хочет сегодня явиться народу С цветами, оставив и бич и метлу! Мы честно трудились, не требуя льготы, Чтоб Родину видеть в чести и в цвету! Никто не хулил своей черной работы — Стоял на посту, наводил чистоту! Конечно, отрадней выращивать розы, Конечно, с навозом возиться трудней, Но, «ассенизаторы и водовозы», Не зря мы работой гордимся своей.

Пусть всякого сору осталось немало (Сметаешь, а он возникает опять!), Но скольких «объектов сатиры» не стало, С которыми нам довелось воевать! Пусть мы не всегда своего добивались, Пытаясь сатирой выскребывать грязь, Есть многое, с чем мы, смеясь, расставались И с чем мы навеки расстались, смеясь! И праздник у нас необычного рода: Такое сегодня в стране торжество, Что если сатирик собьется на оду, Поймите его и простите его!

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ — БЕРЕГ ПРАВЫЙ...

Праздничный тост.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

«Ниагара», «Флорида». Эти экзотические названия, может быть, и не очень скрашивали нижневолжский пейзаж, но зато ласкали глаз Карла Гаудена — представителя «Зевеке» в Астрахани.

* * *

В 1906 году в Астрахани издавался сатирический журнал «Чилим». Чилим — это водяной орех, усаженный шипами. Шипы у «Чилима» были злые, вследствие чего издателю журнала Г. Г. Секачеву пришлось отправиться в тюрьму.

Хотя редакция (которая, как сообщалось в журнале, «помещается между небом и землей») успела выпустить всего несколько номеров «Чилима», в них нашлось довольно места для господ судовладельцев. И прежде всего для председателя акционерного общества «Волга» Д. В. Сироткина. Журнал процитировал песню, которая начиналась словами:

Как на Волге на реке
Все в Сироткиной руке...

И заканчивалась упоминанием о пароходах «Свобода», «Воля», «Равенство», «Братство», «Труд», принадлежавших обществу «Волга»; на этих пароходах, как бы для лишнего издевательства над их именами, была неукоснительная палочная дисциплина.

Дмитрий Сироткин действительно отметил первую русскую революцию, сноровисто переименовав «Чердынь» в «Равенство», «Внука» — в «Братство», «Графа Игнатъева» — в «Волю» и так далее. Это был изящный демагогический трюк. В акционерном обществе «Волга» равенство, братство и прочие приятные вещи остались, понятно, на прежнем жандармском уровне.

В 1913 же году по случаю трехсотлетия дома Романовых ловкий пародист так потрогал царю всяческим усердием, что был всемилошвейше произведен в коммерции советники. Каковой титул Сироткин, в свою очередь, тут же присвоил одному из новых кораблей.

Корабли не умеют краснеть.

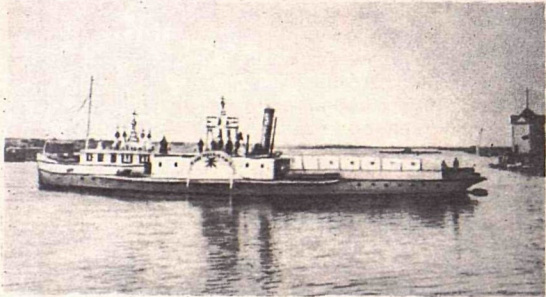
* * *

Сейчас у нас плавучие культбазы. На дальние тоны, на морские промыслы, на рыбозаводы приплывают к рыбакам фильмы, библиотеки, концертные бригады. А раньше?

До 1917 года кое-как читать-писать среди ловецкого населения мог один рыбак из семи. Сообразно этому уровню было поставлено и, так сказать, культобслуживание. 180 церквей, 6 монастырей и сотни питейных заведений неукоснительно правили духовной жизнью волгарей.

Но это были стационары. А мелкие рыбацкие поселки и промыслы оставались неохваченными. Требовалось что-то подвижное, вездесущее. И в 1907 году Кирилло-Мефодиевская община, купив с аукциона пароход «Пират», перестроила его в плавучую церковь «Святитель Николай».

Над штурвальной рубкой взгромодили звонницу, матросский кубрик перестроили в алтарь, ближе к носовой части сработали пять луковко-куполов, а задние каюты уподобили кельям — для иеромонахов.

Разнося по прибрежной округе благостный колокольный трезвон, «Святитель Николай» брал на бордаж шаланды и барки, высаживал десанты монахов у рыбацких селений. Молебствия завершались сбором дани. Потом, плотно отобедав после трудов праведных, монахи могуче храпели в каютах-кельях...

Советской власти «чудотворец» сослужил службу в качестве металлолома.

* * *

Конечно, снаружи кое-что обновлялось. «Племяников» и «Крестниц» стали вытеснять «Идея», «Мысль», «Энергия», «Коммерсант», даже «Инженер-технолог». Казалось, проблема века состоит только в замене неистовой алчности respectable деловитостью.

Меж тем зрели другие события, совсем другие. 28 сентября 1917 года Астраханский биржевой комитет телеграфировал Временному правительству:

«...От имени всего торгово-промышленного класса обращаемся... с мольбой принять меры... создать наконец твердую, авторитетную... власть, которая бы в состоянии была направить жизнь нашего края на правильный путь...»

Такая власть в скором времени и была создана. Правда, без участия биржевого комитета.

Пламя революции слизнуло с бортов волжских кораблей канувшие в Лету имена и вычертило новые. «Великая княжна Татьяна Николаевна» стала «Спартак», «Эмир Бухарский» — «Яковом Свердловым», дремучий «Редедя, князь Косогский» — набатым «Степаном Разиным», «Ольга» — «Авангардом революции».

А скоро в схватках с белогвардейцами и интервентами начали отливаться в бронзу бессмертия еще вчера вовсе не известные имена.

* * *

Выдь на Волгу!

На великой реке — непрерывные часы «пик». Щеголеватые трехэтажные туристские теплоходы, деловитые сухогрузы, ленивые баржи, мускулистые буксиры, кокетливые яхты, рычащие «Ракеты» — вся эта пестрая толпа движется вверх и вниз по широкой улице-реке, мимо бакенов-постовых, мимо крупноблочных домов-великанов, шагнувших к самым берегам.

Плывут по великой реке деды, отцы, дети, внуки — поколения волгарей.

М. Аладьин был командиром батальона курсов красных командиров, Н. Ветошников — красногвардейцем-политработником, Н. Маркин — моряком-балтийцем, комиссаром Волжской военной флотилии. Имена этих и других ветеранов гражданской войны присвоены пароходам, теплоходам, буксирам. Павшие оставались жить не только в мраморе мемориальных досок, установленных на кораблях, но и в их ежедневной работе.

В бронзовых буквах по бортам больших и малых кораблей не только история Волги, но и история страны.

В 1928 году вышли на волжскую голубую улицу первенцы советского судостроения — корабли Каспийского рейдового нефтештота «Урицкий», «Дзержинский», «Войков», «Профинтерн». Их называли первыми ласточками нашего судостроения. С тех пор за судами этой серии укрепилась марка — «корабль типа ласточки».

Тридцатые годы принесли на Волгу свое: появились «Колхозник» и «Коммунар», «Ударник» и «Коллективизация».

В жестокие дни Сталинградского сражения мирные корабли первых пятилеток стали солдатами. Под бомбами вражеских самолетов они спешили к Сталинграду с горячим, продовольствием, боевой техникой.

Выдь на Волгу — и вспомнишь героев Великой Отечественной войны, идущих сегодня в трудовом корабельном строю.

А вот и всем знакомые имена современников: героев труда, ученых, космонавтов. Впрочем, сами они тоже вполне современны, эти быстроходные великаны, уверенно фланирующие по вольному волжскому простору.

* * *

Корабли стареют. Легендарный морской буксир «Спартак», первым высадивший в апреле 1919-го десант в Александровском порту, а в ноябре 1942-го перевозивший в Сталинград войска и технику, — теперь флагман детского пароходства. Он стоит у причала, тихий и умудренный бурной своей жизнью старик, и мальчишки усердно врачуют кистями и швабрами его боевые шрамы.

Капитаны стареют. Оторвавшись от писания мемуаров, они благоговейно извлекают из монументальных гардеробов времен компании «Кавказ и Меркурий» парадные униформы и отправляются во дворец бракосочетаний, дабы пожелать молодым счастливого плавания по реке жизни.

События, битвы, подвиги, подергиваясь дымкой времени, реликвиями оседают в музеях, строчками — в учебниках истории.

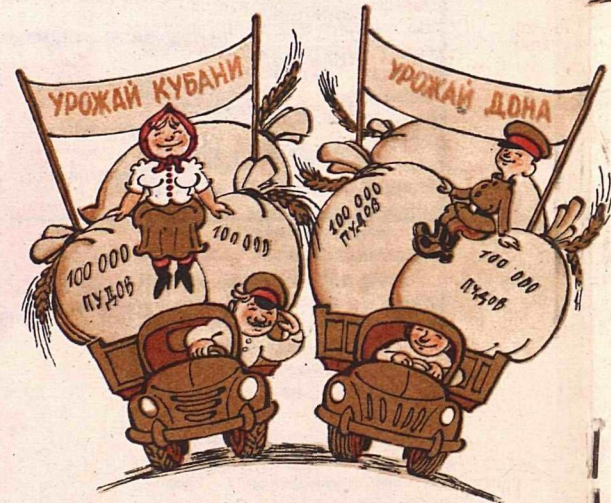
Проходят годы, уходят десятилетия.

Не стареют бронзовые имена на бортах кораблей.

А. ВИХРЕВ,
специальный корреспондент Крондила
г. Астрахань.

Толстосумы.

Казачьи сотни.

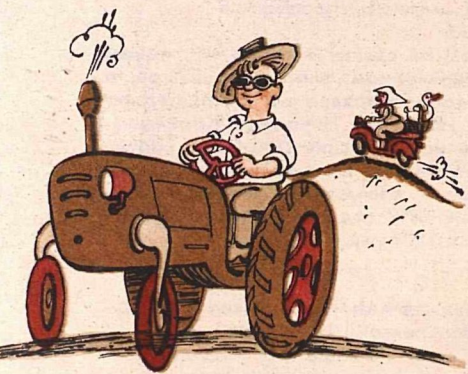

Династии.

Мазали ребят

Светопреставление.

Безлошадные крестьяне.

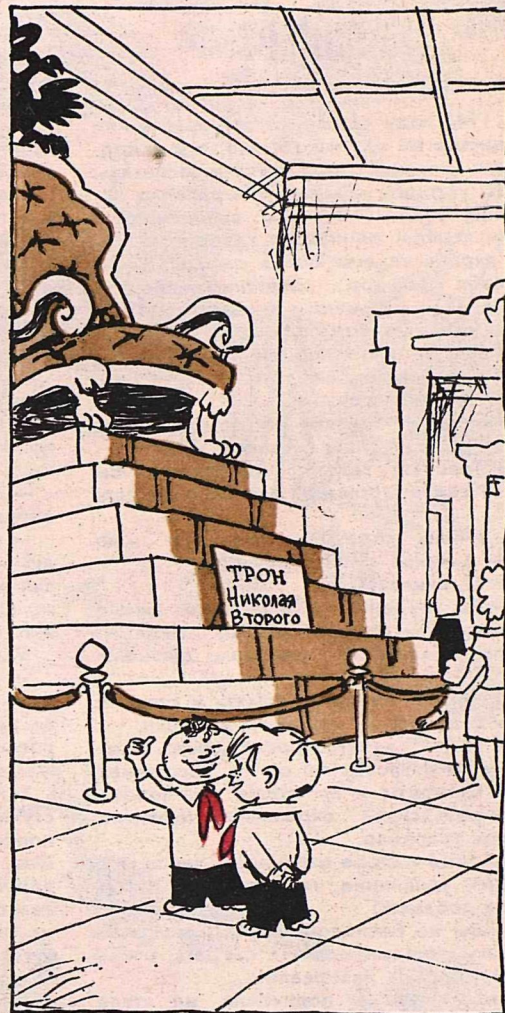
Градоначальники.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Знаешь, какой мой папа сильный? В одной его руке — вся энергия царской России!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Представляешь, как он оттуда замерел!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— А царь был богатым?
— Что ты! У него даже телевизора не было!

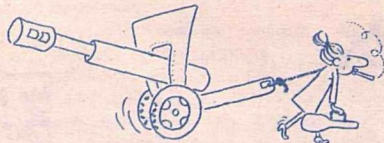
Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Похож!

Рисунок Е. ГУРОВА

КОНЦЕРТ

В 1944 году советские войска выбили фашистов из нашего города. Мы с подругами решили отправиться в госпиталь, чтобы устроить концерт для раненых советских бойцов. Все мы владели русским языком одинаково скверно, и наша скрипачка, как более смелая, взяла на себя разговор с советским майором. Тот диалог я помню и поныне, хотя минуло двадцать три года.

Майор встретил нас очень радушно и, указав на стулья, спросил:

— Чем могу служить?

Скрипачка, призвав на помощь весь запас русских слов, сказала:

— Товарищ майор, мы хотели бы здесь сделать концерт для раненых солдат.

— Очень хорошо,— улыбнулся майор.— А какие ваши условия?

— О, никаких!

— Вы уверены, что вам самим ничего не нужно?— спросил майор, глядя на наши не слишком цветущие физиономии.

Скрипачка напрягла память и сказала:

— Если можно, сигареты и пушки.

— И что?— переспросил майор, которому показалось, что он не расслышал.

— Сигареты и по пушке на человека,— разъярилась скрипачка несколько менее уверенно.

На лице майора отразилось такое искреннее удивление, что скрипачка поспешила добавить:

— Вы не беспокойтесь, товарищ майор, мы постараемся так сыграть, чтобы ваши солдаты разорвались...

Майор чуть не подскокил на стуле. Девушка перепугалась и стала разъяснять дальше:

— Это очень хорошо, если солдаты немного разорвутся...

Физиономия майора неожиданно прояснилась. Видимо, он о чем-то догадался. Он открыл ящик письменного стола и достал оттуда небольшую, но толстую книжку. Быстро полистав ее, остановился на какой-то странице и расхохотался.

— Сколько же пушек вам потребуется?— улыбаясь во весь рот, спросил он.

— Семь. У нас в оркестре семь человек. По пушке на человека.

— А какие пушки вы бы хотели получить?

— Конечно, лучше мясные,— поспешно ответила скрипачка, проглотив слюну.

— В крайнем случае рыбные или овощные,— добавила я.

— Вы именно эти пушки имели в виду?— с напускной серьезностью спросил майор, показывая на строку в книге, где было написано: «Пушка — банка жестяная, консервная».

Мы закивали головами.

— А я думал, вы хотите русскую пушку,— улыбнулся майор и, достав из стола другой словарь, на этот раз польско-польский, указал нам на слово «пушка». Мы прочитали: «Пушка — армата».

Тут уж мы чуть не подпрыгнули на стульях. Здорово же мы промахнулись — попросили у советского майора семь пушек, когда война еще в разгаре! Тут я вдруг вспомнила, что на слове «разорвались» майор сам чуть не подпрыгнул на стуле. Я взяла у него из рук польско-русский словарь и, полистав его, показала на слово «розрывка», что по-польски означает «развлечение».

Концерт состоялся. Солдаты с удовольствием «разорвались», а мы получили отличные мясные и рыбные «пушки». Все остались довольны.

ТРУДНЫЙ ВОПРОС

Перед канцеляристом стояла супружеская пара — крестьянин и крестьянка средних лет. К столу они подошли, держась за руки, как дети.

Канцелярист внимательно посмотрел на них поверх толстых очков.

— Иван Томицкий?— спросил он.

— Так точно,— ответил крестьянин.

— А это, видимо, ваша жена? Хорошо, что пришли вместе. Ну, что с вами делать? Вы хотите жить в Советском Союзе или в Польше? Пора наконец сделать выбор. Один раз говорите так, потом иначе, и это тянется уже сколько лет...

Муж и жена растерянно посмотрели друг на друга.

— Я бы сразу решил,— сказал мужчина.— Я бы выбрал Россию. Там климат, может, и суровый, но здоровый...

— Здоровый, здоровый!— прервала его жена.— Слишком холодный для твоего носа. В Польше теплей, и то все время чихаешь. И среднегодовая сила ветра здесь у нас меньше, я сама читала в газете.

— Ну, что ты в этом понимаешь? В России зима, правда, длиннее, холоднее, но зато лето теплее, и загореть можно хорошо, а тебе загар очень к лицу. А в газетах мало ли что напишут...

Канцелярист терпеливо слушал семейную дискуссию. Наконец он вмешался:

— Ну вот видите, вы еще ничего не решили. Даю вам на размышление еще полгода. Больше тянуть нельзя, пора принимать решение. Полгода, слышите? До свидания.

Супруги покидали кабинет, снова держась за руки. Той же дорогой направились в свое хозяйство, которое находилось на самом краю села.

А село было пограничное. Граница же была когда-то проведена так, что дом и сад Томицких оказались на польской стороне, а огород — на советской.

Передвинуться на несколько метров в одну или другую сторону, чтобы исправить эту ошибку, было давно решено. Только Томицкие никак не могли между собой договориться, в какую сторону.

Смуцал их вопрос о климате, а это не шутка.

Так и живут они наполовину в одном государстве, наполовину в другом. Но живут между собою очень дружно и ладно — так же, как дружат и ладят Советский Союз и Польская Народная Республика.

Перевел с польского
Н. ЛАБОВСКИЙ.

Светлая личность в американском вкусе

В Нью-Йорке вышел увесистый фолиант на 584 страницы — плод трудов Роберта Мэсси. Выход этого солидного труда под интригующим названием «Николаас энд Александра» был явно приурочен к 50-летию Великого Октября. Всякий празднует по-своему... «Нью-Йорк таймс бук ревью», например, горячо рекламирует упомянутый опус как «ту самую книгу, которую все давно ждут». Рецензент Роберт Пэйн, рассказывая о главном герое книги, подчеркивает, что он отличался множеством положительных качеств. Вот лишь некоторые черты этой светлой и незаурядной личности:

«Он был добр и скромнен; в обращении с людьми выделялся приятной простотой...»

«...В своем домашнем окружении он любил во всем предельную простоту и избегал роскоши...»

«...Умный, высококультурный, умеющий сразу распознать таланты, это был один из тех людей, которые живут всецело для своего народа...»

Особенно волнует и очаровывает характеристика героя как политического деятеля:

«...Он ненавидел войну...»

«...Он надеялся разрешить все проблемы, возникающие между державами, мирным способом...»

Кто же этот «Николаас»?

Речь идет о выкинутом на свалку истории последнем Романове, об этом ограниченном, злобном невежде, о человеке, которого народ прозвал за беспощадное подавление революции 1905 года Николаем Кровавым.

Но это далеко не все исторические открытия, содержащиеся в книге Роберта Мэсси. Он с легкостью изумительной установил прямую взаимосвязанность между Октябрьской революцией 1917 года и... королевой Англии, правившей страной с 1837 года.

Доказательства?

Пожалуйста.

Факт № 1. Был у государя императора всея Руси Николая II сын, цесаревич Алексей? Безусловно.

Факт № 2. Страдал онный цесаревич несвертываемостью крови, то бишь гемофилией? Безусловно.

Факт № 3. Обращалась государыня императрица Александра за помощью к человеку по имени Распутин, которому молва приписывала среди прочего и дар исцеления? Безусловно.

Факт № 4. Был ли этот Распутин проходимцем, который ловко внушал их императорским величествам отдельные идеи и суждения? Безусловно.

И, наконец, факт № 5. А не доводился ли малютка цесаревич со стороны матери правнуком английской королевы Виктории, от которой он унаследовал не только кровь, но и несвертываемость крови? Безусловно.

Наследственная же болезнь цесаревича, по словам Р. Мэсси, и вызвала ту цепную реакцию, «которая привела к большевистской революции». В самом деле, «Александра обратилась к Распутину сперва, чтобы спасти сына, а затем, чтобы спасти режим. Под влиянием Распутина она страстно возражала против смягчения императорской власти, а Николай, уступая жене, и слышать не хотел ни о каких реформах и тем самым сделал неизбежным триумф Ленина».

Иными словами, не будь на свете королевы Виктории, сидеть бы Николаю или его преемнику и по сей день царем на Руси.

Итак, согласитесь, связь между королевой и Октябрьской революцией можно считать доказанной, если... окончательно потерять чувство юмора.

Именно этого чувства начисто лишен автор «Николааса энд Александры» Роберт Мэсси.

Выступая с рецензией на книгу, даже американский журнал «Ньюсуик» недоверчиво усмехнулся. «Ньюсуик» дружески посоветовал автору впредь не переоценивать влияния на судьбы России злополучной оси Виктория—Алексей—Распутин. Журнал напомнил, что царский режим прогнал сам по себе и «был готов к падению», а «Распутин в меру своих пороков лишь усугублял пороки общества, но никак не создавал их». С этими здравыми замечаниями трудно не согласиться.

Хотелось бы, впрочем, чтобы журнал сказал хотя бы несколько слов о том, почему на свет божий появляется подобная белиберда. Но так как он молчит, это приходится сделать нам. Все очень просто: в юбилейный год Советской власти спрос на «антиюбилейное» настолько превышает предложение, что приходится хвататься за голодухи даже за м-ра Мэсси.

А. БАРСЕНИН

Создаваемые израильскими властями на незаконно оккупированных ими территориях так называемые «мирные поселения» являются на самом деле замаскированными военными лагерями.

(Из газет).

ИЗРАИЛЬСКИЕ «ПОСЕЛЕНЦЫ» НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

НЕ СТАРЕЮТ...

Листаю свои старые блокноты. Нет, написал я не то, что надо. Нет старых блокнотов: они не стареют, если они содержательные, живые.

Мои блокноты — ровесники Октября. Просматриваю их с волнением: ведь это моя молодость, ведь это молодость моих читателей.

Землячка, Феликс Кон, Куйбышев, Луначарский, Солдц живут по сей день в нашей благодарной памяти. В этих листках из блокнота я привел лишь небольшие эпизоды, дал отдельные штрихи из жизни этих замечательных людей.

Землячка

Секретарша сказала нарком: — В приемной какая-то женщина, хочет пройти к вам... Она настаивает. — А я настаиваю, что занят. Не могу ее принять. Не могу! — Она села и ждет. Упрямая такая. — А вы спросили ее, кто она такая? — Спрашивала. Говорит, землячка. — Из Орловщины, значит. Я уже на днях принимал своих земляков. Хватит! Сегодня у меня нет времени. И завтра не будет. Не...

Вдруг открывается дверь кабинета и входит Землячка. Розалия Самойловна Землячка. Старый член партии. Заместитель председателя Совнаркома. Гроза чинуш и бюрократов.

Если память мне не изменяет, нарком побледнел. Секретарша ничего не поняла, но на всякий случай ахнула и осталась стоять, пригвожденная к полу.

— Садитесь, по-пожалуйста, — пролепетал нарком, придвигая кресло нежданной посетительнице. — Вот здесь, не у окна: там дует, Розалия Самойловна.

— Спасибо. Думаю, что не надует. Ничто и никто меня здесь не надует. Я пришла к вам по поводу жалоб ваших посетителей...

Что дальше было — не знаю. Потому что секретарша, опомнившись, выскочила из кабинета. (Это она мне в тот же день рассказала о встрече наркома с Землячкой.)

Я позвонил Розалии Самойловне. Сказал, что хочу написать о ее визите к наркому.

— Как вы узнали? От вашего брата журналиста ничего не скроешь. А писать не советую. Не хочу быть героиней литературных произведений. Известно, что старые большевики отличались большой скромностью. Я не могу поэтому не вспомнить об одной записке товарища Землячки.

В ту пору у Дмитрия Дмитриевича Шостаковича были какие-то затруднения с квартирой. Он ходил не раз и

не два в Моссовет. Результат один: «Загляните через недельку».

Кто-то из друзей композитора пожаловался Землячке. Розалия Самойловна написала записку председателю Моссовета:

«Дорогой товарищ, таких, как мы с вами, в Советском Союзе — миллионы. А Шостакович у нас один».

Было это недавно — в сороковых годах.

Было это недавно, но я все же усомнился. Не изменила ли мне память? Была ли записка? А вдруг ничего подобного?

И я решил зачеркнуть этот эпизод. Прошло некоторое время. Рассеять сомнения мне помог Бенджамин Бриттен, английский композитор. Помог, сам того не подозревая. Просто я пошел в Большой зал консерватории на концерт из его произведений и увидел там Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. И рассказал ему о своих сомнениях.

— Все верно, — ответил он, — Землячка мне очень помогла. Действительно, была такая записка...

Добрый крикун

Мне казалось, что от его неистового крика вот-вот порвутся телефонные провода.

— Алло! Алло! Вы меня слушаете? Так вот, повторяю. Оставьте все эти буржуазные штучки. Что значит «разрешите вам позвонить»? У кого вы научились так разговаривать? Если надо звонить, звоните без «разрешите». Понятно?

Этот ранний утренний нагоняй я получил от товарища Солдца. Теперь я знаю, что у него было имя-отчество — Аарон Александрович. Но в те годы никто к нему так многословно не обращался. Для всех это был просто Солдц, товарищ Солдц, член ЦКК Солдц. Коротко и ясно.

Он был крикун. Добрый крикун. Он любил людей, и глаза его светились лаской. Даже тогда, когда он вас отчитывал.

Но он был суров и беспощаден к карьеристам, бюрократам, хапугам, дуракам. Короче говоря, ко всем тем, кто фигурировал в фельетонах. А фельетон он любил и всячески поощрял нашего брата фельетониста.

Как сейчас помню его: невысокий рост, косоворотка защитного цвета, солдатский пояс, большой, до отказа наполненный бумагами портфель.

Вот он сидит в столовой Моссовета. Скоро подадут обед. Шинарный обед девятнадцатого года. К нему шинарная осьмушка хлеба. А пока он роется в портфеле, который тут же отдыхает на полу. Просматривает какие-то документы.

К нему подходит заведующий столовой тов. Бережинский. В руках у него небольшой сверток.

— Товарищ Солдц, — говорит он, — я могу вам дать еще одну осьмушку хлеба.

— Всем сегодня полагается дополнительный паек?

— Нет... Это я для вас.

— Не надо... Сейчас же заберите.

Потом Бережинский рассказывал: — Ну и попало мне на другой день утром! Он вызвал меня на партколлегию. Если всем полагается по одной осьмушке, почему я ему предложил еще одну? Откуда я взял этот лишний хлеб? С меня пот натил. Еле унес ноги. Да что там ноги! Еле унес партбилет.

А сейчас вернусь к тому, с чего начал свой короткий рассказ о Солдце. Почему он на меня взъелся? Видите ли, мне надо было посоветоваться с ним по одному вопросу. И я по привычке произнес саκραментальную фразу «Разрешите вам позвонить?».

...В последний раз я встретился с Солдцем незадолго до его смерти.

Некий «герой» одного из моих фельетонов пытался оклеветать меня. Я пришел в ЦКК к товарищу Солдцу. Немного волнуясь. Немного нервничая. А поэтому не могу сидеть спокойно на одном месте. И Солдц поднял страшный крик:

— Ты чего бегаешь по кабинету? Что тут — бульвар? Я сижу, а он бегаешь! Безобразия!

Я остановился. Вдруг он взглянул на меня, и в его глазах появилась теплота.

— Ну, ладно, ладно. Если тебе так легче, бегай, бегай...

Феликс Кон обиделся

Пятнадцатый съезд партии. Слушаю прения.

Я не делегат. Я корреспондент «Известий». Каждый день пишу «Съездские заметки».

Выступает костромская учительница товарищ Шаропова. Хорошо говорит, убедительно. Она говорит о значении школы, о роли учителя.

Быстро записываю в блокнот концовку ее речи:

— Мы даем партии ценный подарок — молодой авангард, который идет на смену своим старшим товарищам, на смену уставшим...

Всканивает с места седой Феликс Кон. Он обиженно кричит:

— Мы не устали!

Смех в зале. Аплодисменты. Глядя на веселые лица делегатов, думаешь:

«Нет, никто не устал. Ни в этом зале, ни за его пределами».

На третьем «прогоне»

Через дырочку в занавесе я увидел в первом ряду Анатолия Васильевича Луначарского и Валериана Владимировича Куйбышева.

Еще я увидел бледного, взволнованного драматурга Анатолия Глебова. Сегодня Анатолий Глебов пригласил меня в Театр Революции на «прогон» своей новой пьесы «Рост». В зрительном зале полно народу: здесь главным образом рабочие с «Трехгорки», с «Красной Розы» и других московских предприятий.

Сегодня должна решиться судьба пьесы. Вот уж несколько недель, как на репертумовских вершинах свирепствует буря: запретить «Рост»! Дело было в 1926 году, Глебов положил в основу своей пьесы эпизод, имевший место на Раменской мануфактуре, под Москвой. Там группа малосознательных рабочих, главным образом недавно пришедших из деревни, затеяла «вольницу». Но все это было вскоре ликвидировано силами сознательного рабочего авангарда.

Репертком предложил: 1) удалить из пьесы две картины и шесть действующих лиц; 2) все отрицательное перелицевать в положительное.

Глебов написал товарищу Луначарскому и послал ему пьесу.

— Позвонив через несколько дней Анатолию Васильевичу, — рассказывал мне Глебов, — я, к моей радости, узнал, что пьеса ему очень понравилась. Он целиком на моей стороне, а не на стороне перестраховщиков. Он предлагает подать официальное заявление в коллегию Наркомпреса. И вот сейчас на «прогон» пришел не только сам Анатолий Васильевич, но еще привел с собой Валериана Владимировича Куйбышева.

Рабочий зритель принял пьесу горячо. А на узком обсуждении после «прогона» главным оратором был В. В. Куйбышев.

Валериан Владимирович отметил художественные недостатки пьесы, но тут же сказал:

— Пьеса нам нужна! Она была бы еще нужней, если бы в ней было еще больше «бузы» и вдвое, втрое больше сопротивления «бузе». Сумейте только в конечном счете идейно и морально разгромить, сокрушить, стереть в порошок врага. Ведь наша правда во сто раз убедительнее, неотразимее! Найдите для нее самые вдохновенные, самые красивые слова. Это и будет настоящее партийное творчество искусства в жизни...

ОКТАБРЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

Залп по «Авроре».

Песня индийского гостя.

«ДОЛГО ЖЕ Я ТЕБЯ ЖДАЛ!»

Ныне покойный замечательный югославский герой Борис Кидрич начал свою революционную работу еще задолго до войны, когда учился в гимназии. Можно легко себе представить, что школьные власти были далеко не в восторге от внеклассных занятий Бориса. Несколько раз его исключали, наконец он оказался в той же гимназии, где учился и я.

Однажды он подошел ко мне и предложил пропустить занятия, чтобы совершить прогулку в горы.

— Не знаю, — неуверенно сказал я. — У меня недавно уже был прогул...

— Приходи, буду тебя ждать, — настойчиво повторил Борис.

Я не пошел, а через несколько дней Кидрича снова исключили из гимназии.

Прошли годы, я стал учителем, женился... Нашествие фашистов всколыхнуло весь наш народ. Моя жена Анчка включилась в подпольную работу и была арестована. Я ушел в партизаны.

И вот однажды по поручению штаба своей бригады я отправился в штаб Народно-освободительной армии, который находился тогда в Словении, в тех местах, где я когда-то учился.

Вхожу в комнату и только собираюсь докладывать, как вижу перед собой Бориса Кидрича. Он взглянул на меня, усмехнулся и говорит:

— Долго же мне пришлось тебя ждать! Без малого пятнадцать лет. Но я же тебе тогда сказал, что буду ждать. Докладывай!

НАИВНАЯ БАБУСА

Один из героев народно-освободительной войны, Йово Васич, вернувшись из горячего боя, зашел в дом старушки, которую все мы любовно называли «партизанская мать».

— Пить хочу, мамаша, —

ПАРТИЗАНСКИЕ БЫЛИ

сказал Васич, утирая пот с лица.

Старушка засутилась и подала ему кувшин с ключевой водой.

— Эх, мамаша, плоховато ты, видно, слышать стала, — сказал ей Йово. — Я не умытьяся, я пить хочу!..

— Тебе, между прочим, и умытьяся не грех! — ответила старушка, наливая ему все же стакан ракии.

ГАВРИЧ ЗАВТРАКАЕТ

Нашему боевому товарищу — журналисту Милану Гавричу — не повезло с другой, вполне невинной жидкостью. Партизанский медик посоветовал ему регулярно пить молоко, но коровы в горах не было. Гаврич отыскал в «нейтральной» зоне, внизу, в долинке, избушку, где одиноко жил осиротевший мальчуган. Все его богатство составляла чудом уцелевшая от фашистов коровенка. Не желая брать молоко бесплатно, Гаврич повел с ним торговые переговоры.

— Давай договоримся: ты мне каждое утро будешь давать кружку молока, а я тебе подарю автоматический карандаш.

— Йок! (Нет!) — качнул головой мальчик.

— Тогда я тебе подарю еще и новенькую записную книжку.

— Йок, — вздохнул малыш.

— А книжку хочешь?

— Нет...

Тут только Гаврич заметил, что мальчик с нескрываемой завистью смотрит на его пистолет.

— Ага! — сказал Милан. — Тогда договоримся так: за каждую кружку молока я тебе дам выстрелить из пистолета. Так постепенно научишься бить фашистов!..

Восторгу малыша не было предела, и с тех пор каждое утро внизу, под горой, раздавался пистолетный выстрел. Партизаны смеялись: «Наш Гаврич завтракает!..» Но однажды в долинке раздался три выстрела, один за другим. А на следующее утро там никто не стрелял.

— Вчера наш Милан выпил три кружки молока подряд, а сегодня у него от этого живот разболелся! — хохотали партизаны.

ЛАСКОВОЕ СЛОВО

Популярна во время войны была история о том, как служивший в Пятом корпусе бывший военнопленный англичанин Тедди объяснялся в любви нашей санитарке Даре — красивой девушке мощного телосложения. Он подошел к кому-то из наших и попросил совета:

— Как бы мне к ней поласковее обратиться?

Недавно в гостях у «Кронодила» побывал главный редактор сатирического журнала «Павлиха» (Любляна, СФРЮ) Юле Врбич. Как-то, сидя за редакционным столом, Юле начал вспоминать различные забавные эпизоды из истории партизанской войны в Югославии, в которой он участвовал с первого ее дня. Рассказы эти мы записали и предлагаем вниманию читателей.

Тот ответил:

— Подойди и скажи ей: «Даро, ягненок мой!»

— А что такое «ягненок»? — недоверчиво спросил англичанин.

— А вон, видишь, пасется — маленький, беленький...

— А как называется то, что рядом, побольше?

— Это овца.

Тедди подтянул ремень, оправил гимнастерку, подошел к Даре и самым сладким голосом пробасил:

— Даро, овца ты моя...

— От осла слышу! — обиделась Даро.

«САМ БОГ ТЕБЕ НЕ УГОДИТ!»

Храбрый партизанский разведчик Хазим через связного попросил как-то своего начальника прислать ему хорошего коня. Тот послал ему доброго вороного. Однако разведчик вернул коня с запиской: «Ход у него плох. Пришли, пожалуйста, другого!»

Командир прислал ему пегого иноходца. Но и того разведчик возвратил, написав, что грива коня ему не по душе.

У третьего жеребца разведчику не понравился хвост, у четвертого — зубы...

Рассерженный командир послал тогда ему рыжую кобылу с запиской:

«Дорогой Хазим, тебе и сам бог не угодит! Посылаю тебе кобылу, — позаботься о том, чтобы она принесла такого коня, который придется тебе по душе!..»

ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА

Табак для партизан (конечно, для курящих) был в дни войны дефицитнее патронов и хлеба. Один из наших бойцов славился тем, что, где только мог, собирал окурки и делал из них сигареты. Однажды он задал товарищам задачу:

— Из трех окурков я делаю одну сигарету. У меня в кармане девять окурков. Сколько из них, по-вашему, выйдет сигарет?

— Конечно, три!

— А вот и нет! Из девяти окурков получится три сигареты. От них останется три окурка. А это еще одна сигарета! Да от нее останется окурочек. Значит, получается 4 сигареты и окурочек!.. Так-то... Считать не умеете!..

«ГОВОРIT МОСКВА!»

Как-то трем партизанам было приказано пробраться в одно село и в доме попа-предателя захватить собиравшихся там фашистских офицеров. Двое из партизан подкрались к дверям дома, а третий — его звали Илия —

должен был с автоматом находиться у окна и обеспечить операцию с тыла. Тихонько подойдя к раскрытому окну, Илия обнаружил, что фашистские офицеры и поплашают сообщения немецкого радио об «успехах» войск фюрера на Восточном фронте. Не выдержало сердце партизана. Он сорвал выходящую в окно антенну, поставил на фашистов автомат и гаркнул:

— Говорит Москва! Руки вверх!..

Его команда была выполнена молниеносно.

С тех пор и утвердилось за ним партизанская кличка «Говорит Москва!».

Мало оставить след в литературе. Главное, чтобы потом его не затоптали.

Шел обочиной протоптанной дороги, а говорил, что идет нехоженой тропой.

В преждевременных спорах, как правило, рождаются недоношенные истины.

Ярко выраженная индивидуальность.

Н. СЕРГЕЕВ

В мастерской открыто ненавидели заказчиков от девяти до семнадцати часов с перерывом на обед.

Старость не согнула, а разогнула спину ушедшего на отдых подхалима.

Л. МИТНИЦКИЙ

Рисунки А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Мама, почему у нашего папы так мало волос?
— Потому что он много думает.

— А почему у тебя волосы такие густые?

— Если шеф не возьмет назад слов, сказанных им вчера, я не буду больше здесь работать.

— Но что же он сказал?
— Он сказал: «Ищите другое место!»

Два мальчишки забрели на выставку абстрактной скульптуры. Один из них оглянулся по сторонам и схватил за руку приятеля:
— Бежим отсюда, а то скажут, что это мы натворили!

Две мухи прогуливаются по потолку.

— И все же люди глупы, — сказала одна из них. — Почему ты так думаешь?

— Ну как же! Сначала они ухлопают массу денег, чтобы построить квартиры с такими великолепными потолками, а потом сами ходят по полу.

Подруги о своих мужьях:

— Мы с Томом скандалим каждую неделю.
— У нас скандалы бывают реже. Билл приносит пачку раз в месяц.

В ресторане:

— Пожалуйста, принесите мне бифштекс, но чтобы он был из хорошего мяса, совсем слегка прожарен, достаточно мягок. Лучше всего взять мясо молодого теленка...

— А какая группа крови должна быть у этого теленка? — вежливо осведомился официант.

— Пан Ковальский, жена просит вас к телефону...

— Просит? Это не моя жена!

В молодом африканском государстве.

— Можно осмотреть этот дворец? — спрашивает иностранный турист.

— Конечно, — отвечает гид. — Сейчас я вам все покажу.

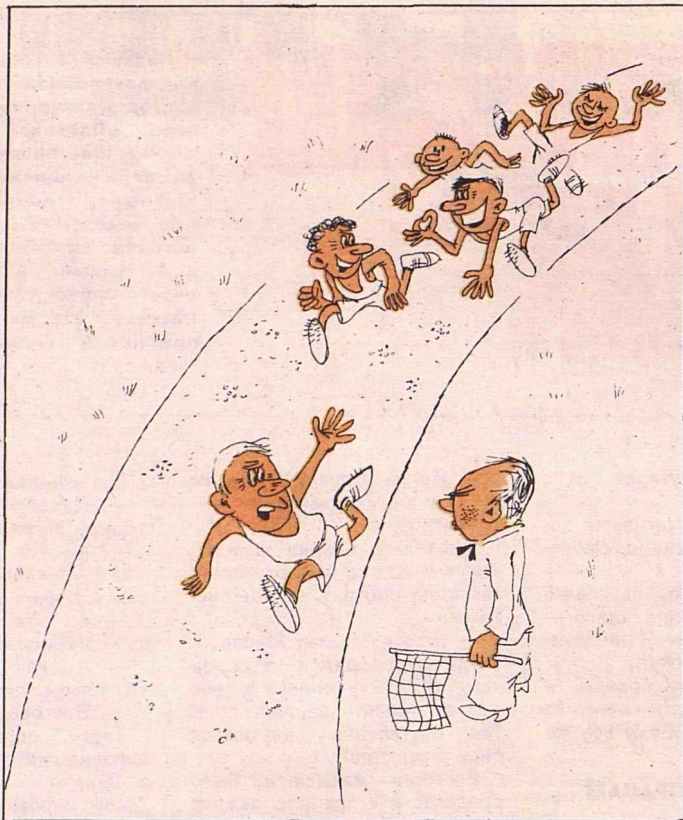
— Благодарю вас. Я и сам здесь неплохо ориентируюсь. Два года тому назад я жил в этом дворце в качестве короля.

— А ты из-за чего угодил в тюрьму? — спрашивает один заключенный у другого.

— Из-за курения.
— Как это так?
— Я закурил, и сторож проснулся.

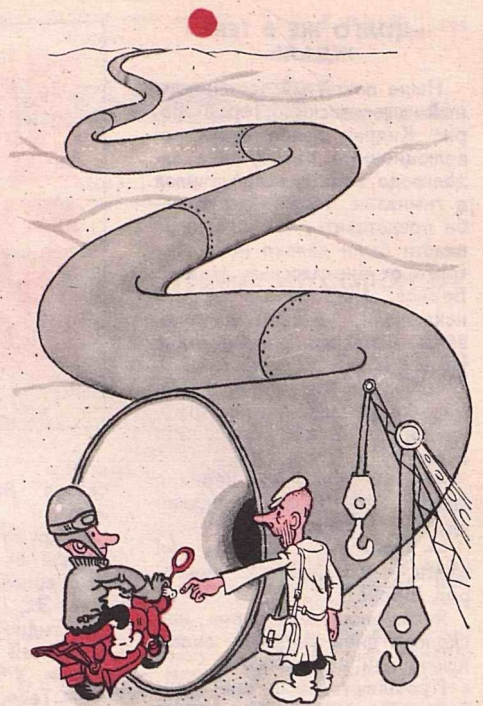
— Милан, почему ты вчера не был в школе?

— Господин учитель, моя сестра венчалась.
— Хорошо, только смотри, чтобы этого больше не повторялось!

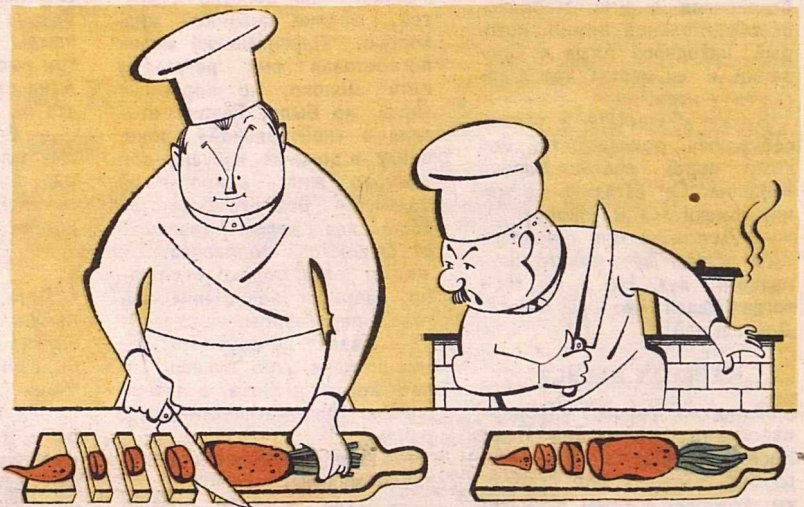
— Обратите внимание: тут один все время своими анекдотами темп сбивает!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Сидоров, гони в трест, скажи: трубы кончились!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

Переусердствовал.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

А. ТИТОВ

СМЕЛЬЧАК

Чихал я, извините за бахвальство, на всякое свое начальство. Подумаешь, нашлись чины!.. (Чихал при гриппе через три стены.)

ПО ПРИВЫЧКЕ

Болтун, он и во сне открытым держит рот... Слов у него всегда невпроворот.

ЕСТЬ ЗА ЧТО

Простая Буква до ногтей, всецело, пред иностранной азбукой благоговела. Ей нравились в словесной пестрой кучке диковинные буквы-закорючки.

ПО ИНЕРЦИИ

В одной из сказок умницу пастушку

колдунья превратила навсегда в лягушку. Не потому ль кому-то по душе работа — Искать: «А нет ли умников в грязи болота?»

ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНОЕ ОЗЕРО

При виде моря засохло с горя.

САТИРИК ТОТ...

Сатирик, юморист не тот, кто на бумагу переложит старый анекдот, а кто отборную словесную пехоту так двинет в бой, как и не снилось анекдоту.

РОДСТВЕННИК

Зловонный Мусор Метлам говорил: «Голубушки, а кто вас породил? Покинь я все меридианы и широты, останетесь тотчас же без работы.»

г. Ленинград.

МНАЮРЫ

П. ШИБУТ

ВОЗМУЩЕНИЕ

Шиповник возмутился: почему Все вечно прицепляются к нему?

ОПРАВДАЛСЯ

Игната стали укорять: — Свой ум пропешь зазя ты! — Зачем его мне пропивать? Мне хватит и зарплат!

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ

— Скажи, чего ты с жинкою развелся? Характером с ней, что ли, не сошелся? — Нет, что ты, друг, здесь дело было проще: Характером я не сошелся с тещей!

С белорусского перевел Б. КЕЖУН.

**журнал
выходит
три раза
в месяц**Темы рисунков этого номера разработали:
А. Важеннов, М. Вайсборд,
В. Жаринов, Н. Станиславский,
Ю. Степанов,
В. Тильман, Е. Шабельник.**наш адрес:**МОСКВА А-15
Бумажный проезд
д.14

ТЕЛЕФОН Д 0-10-86

**Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ****Редакционная коллегия:**А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[ответственный секретарь]
Б. А. ЕГОРОВ
[зам. главного редактора]
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»**А 00251
Подписано к печати
28/Х 1967 г.
Формат бумаги 70×108/16.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 2120.
Заказ № 2878.Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.**НАШИ ПОБЕДИТЕЛИ**

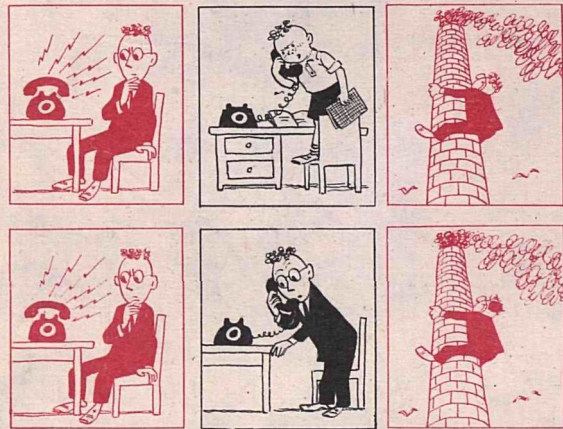
Фамилии	Кол-во очков после 4 туров	Кол-во очков, набранное в 5-м туре	Общая сумма очков	Общее место
Ю. Жукралюс (Москва)	34	21	55	1
Г. Шмульян (г. Одесса)	36	16	52	2
И. Гусаченко (г. Киев)	28	15	43	3
А. Опалинский (г. Одесса)	23	18	41	4-5-6
Е. Новичихин (г. Воронеж)	27	14	41	4-5-6
Н. Кузнецов (г. Москва)	34	7	41	4-5-6
В. Штейн (г. Донецк)	24	13	37	7
Ю. Таран (г. Томск)	18	18	36	8-9
Ю. Ионов, Г. Иванов (с. Трошико-Печерск, Коми АССР)	25	11	36	8-9
В. Ожерелков (г. Ярославль)	20	10	30	10
Л. Лях (г. Краснодар)	16	13	29	11
Л. Попов (г. Щекдино, Тульской обл.)	19	8	27	12-13-14
А. Мурашов (г. Москва)	24	3	27	12-13-14
А. и В. Бартењева (г. Харьков)	18	9	27	12-13-14
Н. Гординов (г. Ленинград)	18	7	25	15

Напоминаем рифмы, которые нужно было использовать в стихотворении:
дни, дыпленка, огни, фотопленка, домой, железной, хромой, полезной, ребро,
добро.Мучительно идут за днями дни...
Ты для меня, как ястреб длядыпленка,
Ты холодна, как дальние огни,
И вспыхиваешь, словно фотопленка.
Я прихожу без радости домой,
Здесь ждет меня пила остреежелезной.
Я лишний здесь. И табурет хромой.
Стал в доме вещью более полезной.
Зачем Адам пожертвовал ребро?
О женщина, не ценишь ты добро!

(Н. Имотин, г. Новосибирск.)

Повестка дня была: «Как в наши дни
Научно из яйца произвестидыпленка».
Уж засветились за окном огни,
У репортеров вышла фотопленка,
Последние ряды ушли домой;
Гремел докладчик логиной железной,
Что ежели петух у вас хромой,
То встречу с курицей нельзясчитать полезной.
Вопрос он долго ставил на ребро
И от президиума получил «Добро».

(Г. Шмульян, г. Одесса.)

«Папа, мне задали задачу: А и В сидели на трубе. А упало, В пропало. Ты не можешь помочь мне высчитать, что осталось на трубе?»

(Ю. Жукралюс, г. Москва.)

«Слушаю, Иван Иванович! Труба качается? Сей секунд проверю лично».

(В. Лямин, г. Пермь.)

А. Если бы вам встретился на улице живой Швейка, что бы вы ему сказали?

«Слушай, друг, а ты здорово похож на Швейка!»

(Ю. Жукралюс, г. Москва.)

«Ничего бы не сказал, чтобы не отвлекать Швейку от важного дела. Ведь он наверняка рифмует: «Дни, дыпленка, огни, фотопленка».

(Е. Новичихин, г. Воронеж.)

Б. Вы поругались с начальником, но, только хлопнув дверью, обнаружили, что забыли у него на столе очки. Как поступить в этом случае?

«Что бы стал делать я, не знаю. Но некоторые в подобной ситуации пишут заявления в местком с просьбой оказать материальную помощь для приобретения очков».

(Е. Новичихин, г. Воронеж.)

«Обратился бы к психиатру, поскольку тот факт, что я поругался с начальником, свидетельствует о наличии у меня такой близорукости, которую одним только очками никак не исправишь».

(Л. Лях, г. Краснодар.)

В. Что бы вы сделали, заказав Посылторгу лыжи и получив вместо них балалайку?

«Спустил бы начальника Посылторга с лыжного трамплина на балалайке».

(И. Гусаченко, г. Киев.)

«Заказал бы Посылторгу коньки и, наверно, бандуристом стал».

(В. Ожерелков, г. Ярославль.)

Г. Назовите три случая, когда люди гибнут за металл?

«Когда на одного моего знакомого однажды свалился большой щит с надписью «Собирайте металлолом»».

(Ю. Жукралюс, г. Москва.)

«Когда школьники сдают в металлолом люки канализационных колодезцев с неосвещенных улиц».

(В. Штейн, г. Донецк.)

«Когда не щадя живота своего жарятся на солнце ради бронзового или медного загара».

(Л. Лях, г. Краснодар.)

Д. Настанет день, когда язык, на котором говорят дельфины, будет расшифрован. С какими словами вы обратились бы к людям, будь вы дельфином?

«Вы поняли наш язык, а понимаете ли вы друг друга?»

(Ю. Жукралюс, г. Москва; И. Гусаченко, г. Киев.)

«Море так загрязнено мазутом, что не хотелось бы рта раскрывать».

(В. Ожерелков, г. Ярославль.)

Вот и закончилось наше марафонское крокодильское «Пятиборье остроумных». Одним оно показалось чересчур длинным, и вскоре после начала они сошли с дистанции. Другие, как истые спортсмены, боролись до конца.

Последний тур был, пожалуй, наиболее сложным, и поэтому многих постигла неудача. Самым большим препятствием оказались стихи на заданные рифмы. Члены жюри, которые внимательно читали письма пятиборцев, через несколько дней начинали машинально бормотать: «Я хромее дыпленка, где моя фотопленка?» или «С палкой железной за пиццей полезной!» Но все же они продолжили мужественно плыть в бурном море заданных рифм, отыскивая отдельные острова удач.

Пропущенная картинка комикса оказалась более легким заданием. Однако множество вариантов совпало, и нам пришлось отбирать наиболее оригинальные. То же относится к пяти вопросам, на которые нужно было придумать остроумные ответы.

Сегодня мы печатаем лучшие решения последнего задания. Некоторые из этих решений принадлежат лидерам, некоторые же тем, кто вообще не имел в своем активе очков.

За лучшие стихи мы присудили 10 очков, за рисунок — 5, а за ответы — по 2.

После подсчета выяснилось, что общее первое место занял Ю. ЖУКРАЛЮС из Москвы, второе — Г. ШМУЛЬЯН из Одессы и третье — И. ГУСАЧЕНКО из Киева.

Мы послали Ю. Жукралюсу письмо с просьбой зайти в редакцию. На следующий день раздался стук в дверь, и в комнату вошли четыре человека, каковые хорошо отрепетированным хором сообщили, что они то и есть Ю. Жукралюс. Мы тщательно протерли глаза, ущипнули друг друга за нос, но Жукралюсов было по-прежнему четверо. Да, да, четверо московских инженеров: Евгений Александрович Журавлев, Альберт Александрович Красилов, Юрий Константинович Любимов и Юрий Николаевич Семьянов.

Отвечая на наши поздравления, учетверенные Жукралюсы скромно потупились и сказали: «Одна голова хорошо, а четыре лучше».

Возразить было нечего, тем более что победителей, как известно, не судят.

— Ну, а кто же поедет на родину Швейка? — неуверенно спросили мы.

— Видите ли, — ответили Жукралюсы, и видно было, что вопрос этот был уже хорошо продуман, — видите ли, поскольку мы работаем все вместе и все вместе пыхтели на дистанции пятиборья, было бы нечестным, если бы один из нас поехал в Чехословакию, а трое ждали от него писем. Поэтому мы хотели просить членов жюри, чтобы в Чехословакию поехала Галина Шмульян, занявшая второе место.

— Ну что ж, — сказала жюри, — воля победителя для нас закон. От всей души поздравляем и вас, и Галину Шмульян, и Игоря Ивановича Гусаченко.

Итак, занявшие первое место Евгений Журавлев, Альберт Красилов, Юрий Любимов и Юрий Семьянов награждаются комплектами «Библиотечки Кронодила» и альбомами художников с автографами авторов.

Занявшая второе место Галина Шмульян по просьбе четырех победителей награждается поездкой на родину Швейка.

Занявший третье место Игорь Гусаченко награждается оригиналом любого крокодильского рисунка (по его выбору) с автографом художника.

Кроме того, учитывая трудность нашего пятиборья, жюри приняло решение дополнительно наградить всех двадцать победителей, занявших первые пятнадцать мест, специальными удостоверениями об остроумии, подписанными членами жюри.

Жюри благодарит всех участников пятиборья за участие в нашем состязании и желает успеха в следующем конкурсе.

Члены жюри:**НИКИТА БОГОСЛОВСКИЙ,
ЛЕОНИД ЛЕНЧ,
ЮРИЙ НИКУЛИН,
АРКАДИЙ РАЙКИН,
ИВАН СЕМЕНОВ.**

НЕУТЕШНАЯ ВДОВА